



Славяноведение, 2024, № 5, с. 111–120

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 5, pp. 111–120

DOI: 10.31857/S0869544X24050098, EDN: YSSXDQ

Оригинальная статья / Original Article

«Память славян в словах»: К юбилею Ж.Ж. Варбот

© 2024 г. М.М. Валенцова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

mvalent@mail.ru

Аннотация. Сообщение приурочено к юбилею известного российского этимолога, профессора Жанны Жановны Варбот, в нем анализируется четвертая книга ученого «Память славян в словах. Этимологические этюды». Отмечаются многочисленные достоинства труда, который включает статьи, объединенные в тематические разделы, например, «Семантика в этимологии», «Реконструкция и этимологизация праславянской лексики», «Этимологизация славянской лексики», «Этимологизация русской лексики». Среди статей есть и публиковавшиеся ранее в разных изданиях. Красной нитью в книге проходит мысль об особом значении диалектной лексики для выяснения происхождения слов, в частности, большое внимание автор уделяет русским диалектизмам, нередко играющим, как было показано на примерах, ключевую роль в этимологизации славянских слов и демонстрирующих их общеславянский характер. В отдельных случаях выдвигаемая автором этимология кажется дискуссионной, поэтому было предложено альтернативное мнение, например, для слов: болг. *smine sa* или славон. *šetrica*.

Ключевые слова: славянская этимология, русская диалектная лексика, БЕР, этнолингвистика.

Ссылка для цитирования: Валенцова М.М. «Память славян в словах»: К юбилею Ж.Ж. Варбот // Славяноведение. 2024. № 5. С. 111–120. DOI: 10.31857/S0869544X24050098, EDN: YSSXDQ

«Memory Storage of the Slavs in Words»: To the Jubileum of Zh.Zh. Varbot

© 2024. Marina M. Valentsova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

mvalent@mail.ru

Abstract. The paper is timed to coincide with the jubilee of the famous Russian etymologist, Professor Zhanna Zhanovna Varbot, and analyses the scientist's fourth book «Memory Storage of the Slavs in Words. Etymological Essays». Numerous merits of the work, which includes articles united in thematic sections, such as «Semantics in Etymology», «Reconstruction and Etymologisation of Proto-Slavic Lexicon»,

«Etymologisation of Slavic Lexicon», «Etymologisation of Russian Lexicon», are noted. Among the articles there are those published earlier in different editions. The idea of the special importance of dialectal lexicon for the elucidation of the origin of words runs through the book. In particular, the author pays much attention to Russian dialectisms, which often play a key role in the etymologisation of Slavic words and demonstrate their pan-Slavic character. In some cases, the etymology put forward by the author seems to be debatable, so an alternative opinion has been proposed, for example, for the words: *bolg. smîne ca* or *slavon. šetrica*.

Keywords: Slavic etymology, Russian dialectal lexicon, BER, ethnolinguistics.

For citation: Marina M. Valentsova. «Memory Storage of the Slavs in Words»: To the Jubileum of Zh.Zh. Varbot // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*, 2024. No. 5. Pp. 111–120. DOI: 10.31857/S0869544X24050098, EDN: YSSXDQ

Этимологию можно назвать матерью лингвистики, поскольку она выясняет происхождение (генезис) и показывает родство слов и языков, распределяет слова по родственным гнездам, описывает способы и типы порождения лексических единиц, как формы, так и их значений, и в целом «служит ключом к истории языка и этноса — его создателя и носителя» [Варбот 2023, 19]. Результаты этимологических разысканий применяются в сравнительно-исторических, сопоставительных, типологических, когнитивных, этнолингвистических, фразеологических и других видах исследований.

Именно поэтому книги и статьи одного из самых известных российских этимологов, доктора филологических наук, главного научного сотрудника и заведующего Отделом этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Жанны Жановны Варбот постоянно находятся в центре внимания специалистов разного профиля. Жанна Жановна — автор более 300 научных статей, докладов, тезисов, рецензий; один из основных авторов «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд» (ЭССЯ) (и ответственный редактор выпусков 41 и 42; соредактор, совместно с А.Ф. Журавлевым, выпуска 40).

В прошлом году вышла четвертая монография Ж.Ж. Варбот — «Память славян в словах. Этимологические этюды», изданная Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Она включает статьи, написанные после 2012 г., т.е. после публикации предыдущей монографии автора «Исследования по русской и славянской этимологии». Большинство статей, вошедших в книгу, были опубликованы в разных, в том числе зарубежных, изданиях, но есть и не публиковавшиеся ранее работы. Статьи собраны в шесть тематических разделов: 1. Семантика в этимологии. 2. Некоторые аспекты структурной реконструкции праславянской лексики. 3. Реконструкция и этимологизация праславянской лексики. 4. Этимологизация славянской лексики. 5. Этимологизация русской лексики. 6. Приложения (в том числе указатель слов и библиография трудов автора). При этом автор признает отчасти условное распределение статей по разделам, учитывающее, скорее, преобладающие аспекты анализа и его результаты.

В качестве эпиграфа к книге взято высказывание В.Н. Топорова о том, что способ членения действительности с помощью языка, сами принципы номинации способны «реконструировать внутренний мир человека далеких эпох», а «этимология слова не меньше характеризует человека, чем предмет, названный этим словом». Этимологический анализ, представленный в книге, как отмечает

автор, отражает «славянское восприятие предметов и явлений окружающего мира, их свойств и связей, равно как и понимание характерных черт человека, его поведения» [Варбот 2023, 10].

Вводные части книги, озаглавленные: «Предисловие», «Этимология», «Народная этимология» — дают емкие определения и характеристики этимологии как науки, знакомят с происходящими в ней процессами; формулируют проблемы и задачи этимологических исследований на современном этапе; объясняют методы и приемы исследования; рассказывают о трудностях принятия некоторых решений. Свои мысли автор иллюстрирует примерами, делая их понятными также и для филологов непрофильных специальностей, и для широкого круга читателей, интересующихся происхождением слов; последние, между прочим, при чтении с удивлением узнают, что слово *зная* — производное от *знать*, *горе* — от *гореть*, что слова *начало* и *конец* являются родственными, и т.п. Один из разделов книги (более 40 страниц) целиком посвящен этимологизации русских слов, таких как *сиволапый*, *сбагрить*, *звено* и др.

В первом разделе, посвященном вопросам семантики в этимологии, Жанна Жановна обсуждает процесс семантических сдвигов и исторических изменений значения слова, подчеркивая, что необходимо учитывать отличия современных представлений о предметах и явлениях от соответствующих представлений древнего общества, которые и определяли первичную мотивацию наименований. Поэтому она не раз обращается к данным этнолингвистики как науки, занимающейся изучением связи языка и традиционной культуры. Часто без понимания реалий народной жизни невозможно понять мотивацию слов. Кроме того, этнолингвистика дает возможность проникнуть в сферу ментального, проясняя способ и направление мышления каждого народа, ассоциативные связи при номинациях и многое другое.

Ж.Ж. Варбот обращается к этнолингвистическим данным, например, при этимологизации славянского **mьlčati* — **mьlknqti* для подтверждения своей гипотезы о связи значений ‘молчание’ и ‘неподвижность’ (учитывая «вывод о восприятии речи как движения» в [ЭССЯ, вып. 21, 103]). Ссылаясь на словарь «Славянские древности», она упоминает известную ритуальную функцию молчания как оберега и магического действия, усиливающего результат другого, физического, действия: в белорусском обычае после сильного припадка эпилепсии у ребенка домашние, пытаясь обмануть болезнь, замолкали и переставали двигаться по дому, а ребенка накрывали белым покрывалом, изображая его смерть [Варбот 2023, 36]. Можно было бы еще добавить в подтверждение мысли Жанны Жановны, что чеш. *mlklý*, словац. *mlkву* (кстати, последнее не только диалектное, это слово присутствует и в Словаре современного словацкого языка, и других словарях) имеют как ожидаемые значения молчания (разной интенсивности): ‘молчаливый’, ‘тихий, редко говорящий’, ‘немой’, так и, по терминологии Ж.Ж. Варбот, первичные значения: ‘слабый (о зерне), пустой, без зерна (о колосе), неразвившийся (о семени, зерне)’ [Варбот 2023, 34]. Упомынутые выше *mlklý*, *mlkву*, а также словац. *zamlklý*, *zmlklý* через значения ‘невсхожий, неродящий’ демонстрируют семантику метафорического умолкания-замираания-умирания (как и в белорусском лечебном обряде).

Для этнолингвистов представляет интерес исследование глагола *velkti* ‘волочить’ в терминологии славянского погребального обряда [Варбот 2023, 40–43]. Автором устанавливаются семантические модели названия кладбища, в одной из которых мотивирующими выступают названия возвышенных мест (нередко поросших лесом), куда волокут/несут/ташат тело умершего (бел. *гары́шча*, рус. *бúжево*, *бор*, *во́лок*, *повоз*, *сутяга*); во второй модели названий кладбища — **grobъ*,

groby*, **grobišče*, **grobьky*, **grobyje* — мотивирующими выступает наименование могилы (grobъ*). Эти два факта дают возможность возвести польское диалектное название гроба *vełk* к глаголу **velkti* [Варбот 2023, 42].

Одна из глав первого раздела посвящена оценке опыта историко-этимологического исследования лексико-семантических полей, полученного в рамках проводившегося Ж.Ж. Варбот в течение 1999–2013 гг. семинара по этимологии для студентов кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Работа целого ряда студентов-русистов была завершена дипломными и диссертационными сочинениями. Интересны приводимые Жанной Жановной количественные характеристики исследованных студентами и аспирантами полей. Так, даже при учете разного уровня проработки темы (полужирным выделены данные диссертационных исследований), показательными представляются различия в количестве составляющих эти поля слов: например, поле «насмешка» репрезентируют 210 слов; поле «ошибка» — 265; «лень» — 270; «клевета» — 310; **«судьба, счастье, удача»** — 330; **«присвоение чужого»** — 400; **«безумие»** — 500; «сходство» — 540; «страх» — 540; «множество» — 600; «колдовство» — 670; **«ругать(ся)»** — 850; «обман» — 1330; **«сила, здоровье/слабость, болезнь»** — 3000 [Варбот 2023, 62]. Несколько иным выглядит соотношение количества этимологических гнезд, производные которых формируют эти поля: «сходство» — 37 гнезд; **«присвоение чужого»** — 46; «колдовство» — 49; «насмешка» — 51; «ошибка» — 57; «клевета» — 62; **«судьба, счастье, удача»** — 68; **«безумие»** — 70; «страх» и «лень» — по 90; «обман» — 126; **«ругать(ся)»** — 184; **«сила, здоровье/слабость, болезнь»** — 476 [Варбот 2023, 64]. К сожалению, эта статистика не проиллюстрирована примерами, в то время как интересно было бы взглянуть на лексемный ряд или этимологические гнезда хотя бы одного из перечисленных семантических полей¹. Показательны и другие результаты работы участников семинара, например, представленность в этих полях отдельных этимологических гнезд (самое продуктивное — гнездо **ved-*), частеречная принадлежность слов, относящихся к разным полям, и т.п.

Во втором разделе книги, посвященном структурной реконструкции праславянской лексики, подняты важные теоретические вопросы этимологии, среди которых проблемы диалектных различий лексики в истории праславянского языка и вариантности современной диалектной лексики. Одним из важных аспектов этимологического анализа автор считает определение относительной хронологии реконструируемой праславянской лексики (среди приводимых примеров: рус. диал. *черв* ‘серп, коим жнут’, родств. лит. *kirvis* ‘топор’ — индоевропейское наследие; **mězgyr’b* ‘паук’ — праславянский диалектизм восточнославянских языков; праслав. *(*v*)*ęz(a)ti* представляют собой рефлексy и.-е. **angh-* ‘узкий, стягивать, связывать’ [Варбот 2023, 70, 89–91 и др.]. Прислального внимания этимологов требует и проблема морфологического перерасположения в истории праславянского языка. Отмечая, что такие основы редко включаются в словник праславянского словаря, Жанна Жановна упоминает **obagniti* (*se*) < **ob-* + **agniti* ‘окотиться (об овцах)’, **obačiti*², хотя последнее в Словаре не признается производным от **ačiti*, и некоторые другие. Автор определяет позиции, в которых перерасположение встречается чаще. Это, например,

¹ В Автореферате к своей диссертации ученица Ж.Ж. Варбот М.В. Турилова приводит следующие этимологические гнезда и их лексико-семантический вклад в поле «безумие»: **umъ* (85 лексем), **durbъ* (28 лексем), **bězъ* (24 лексем), **rod-* (15 лексем), **ьd-* / **xod-* / **ьd-* (14 лексем), **myrk-* (13 лексем), **saľъ(jbъ)* (12 лексем), **měsiti* (11 лексем), **dika(jbъ)* (10 лексем), **ryx-* / **ryx-* / **ryx* (9 лексем) [Турилова 2010, 6].

² ЭССЯ, вып. 26, 92–93, 91.

словообразовательная модель «производные от глагольных основ с суф. *-nq* и с префиксом *ob-*», фонетические процессы, в результате которых упрощаются группы согласных [Варбот 2023, 81, 86], и др. Эти типы Ж.Ж. Варбот дополняет новыми исследованными лексемами. Особого внимания, по ее мнению, заслуживает категория гапаксов, учитывая их важность для этимологических исследований и не только.

В третьем разделе монографии собраны авторские реконструкции и этимологии праславянской лексики, а также актуальные дополнения, уточнения и коррективы к предшествующим этимологическим версиям, как собственным, так и выдвигавшимся другими учеными (многие из них вошли ранее в ЭССЯ). При этом для реконструкции лексем праславянского языка автор широко использует диалектную лексику славянских языков, которая является также по преимуществу и предметом исследования в рецензируемой книге в целом. Автор не раз отмечает «ценность диалектной лексики как потенциального хранилища утраченных литературными языками слов, восходящих к различным периодам истории славянских языков, даже к праславянскому» [Варбот 2023, 138].

Например, Жанна Жановна убедительно показала, что слово *тина* (праслав. **tina*) следует возводить не к праслав. **timen-* ‘болото, грязь’ (как в этимологических словарях русского и украинского языков), а к праслав. **teti* ‘тянуть, плести’ в двух значениях — ‘волокнистое растение’ и ‘затягивающее (поверхность воды)’ [Варбот 2023, 105–106]. Дополнения русскими диалектными данными гнезда **sekti* ‘следовать’ убеждают в древности семантики ‘следить’, ‘понимать’, ‘заметить’, ‘ухаживать’ в русских словах *сечь*, *засечь*, *засекать* [Там же, 108]. Анализ праслав. **kras-* (рус. *красный*, *красивый*) показал, что вопреки преобладающему мнению об отнесении этого корня к и.-е. **ker-* / **k^her-* ‘гореть, жечь’, больше оснований возводить этот корень к глаголу **kresati* ‘сечь, тесать, рубить’ (так еще у Э. Бернекера), или лат. *creare* ‘создавать’ (так у О.Н. Трубачева) [Там же, 109–110]. В таком случае *красный* ‘красивый’ — от слав. **krasa* ‘совершенное по форме (вытесанное) изделие’, производного от **kresati* ‘обсекаать, обтесывать’ встанет в один ряд со словами *лепный* — от *лепить*, *точеный* — от *точить*, рус. диал. *коварный* в значении ‘красивый, ладный’ — от *коварь* ‘кузнец’ [Там же, 111].

Русская диалектная лексика нередко сохраняет архаичную семантику, подтверждающую «генетическую принадлежность некоторых лексем к определенным праславянским этимологическим гнездам» или генетическое единство некоторых групп славянских лексем (как, например, ср.-урал. *видеть* ‘знать’ — к праслав. **vidēti* ‘видеть/знать’; новгор. *присяга* ‘фартук’ — к литер. *присяга*, гнездо **seg-* ‘доставать, касаться’). Используя русские диалектизмы, автор соотносит праслав. **strōk* (рус. *спрук*, *спручок*) с и.-е. гнездом **trenk* ‘сдавливать’ (ср. рус. диал. *пристручить* ‘припугнуть, пригрозить’, *пристручило* [Варбот 2023, 117–119].

Диалектные материалы, как пишет Ж.Ж. Варбот, «обеспечивают подтверждение общеславянского статуса многих праславянских лексем» и «не в последнюю очередь выявляют генетические связи праславянской лексики с другими индоевропейскими языками, сохранившиеся только на уровне диалектных гапаксов (= праславянских диалектизмов)» [Варбот 2023, 167]. В этом смысле интересны представленные в книге славянско-балтийская параллель (чеш. *klamol* ‘обломок, кусок’ и др.-прусс. *kalmus* ‘палка, пень’, лит. *kelmas* ‘пень, обрубок’, лтш. *celms*), дополненная диалектными русскими данными: влад., вологод. *коломá*, новг. *кóлом* и др. [там же, 162–163]; и славяно-иранская параллель (структурная и семантическая близость праслав. **kórsta* и др.-иран.

**karasta*- ‘шкура, кожа’) [там же, 165]. Рус. арханг. *уклю́жины* ‘ребра’ дало возможность реконструировать праславянский диалектизм (сохранившийся в русском и лужицком) **kľudъ* и генетически отделить его от праслав. **kľudъ/-ъ* ‘покой, порядок, красота’, вопреки мнению М. Фасмера и Г. Шустер-Шевца [Варбот 2023, 176]. Замечательный пример архаики в русской диалектной лексике — слово *хотцы* ‘запруда из прутьев для ловли рыбы’, производное праславянского глагольного гнезда **xotěti* / **xьtěti* / **xytiti* / **xvatiti*, сочетающего значения ‘желать’ и ‘брать’; этимологами отмечается, что значения в этом гнезде «распределены по глагольным основам, так что **xotěti* / **xьtěti* имеют лишь семантику желания»; в русском же диалектизме *хотцы* у этой основы представлено реликтовое значение ‘брать, хватать’ [там же, 180–181].

В четвертом разделе монографии разбираются спорные или «темные» слова из разных славянских языков: общеславянские **naprasъnъ*, **lubъ*; з.-слав. **toparka* / *toporka*, ст.-чеш. *trpočiti*, словен. **strniti* (*se*), бел. *збрэзь*, сербско-хорватские этимологии; приводятся дополнения к статьям этимологического словаря болгарского языка (БЕР), ценные дальнейшими размышлениями и новыми версиями, а также русские дополнения и комментарии к кашубским этимологиям.

Так, Ж.Ж. Варбот обосновывает славянскую этимологию болг. диал. (Странджа) *сѹтара* ‘плохая судьба’, предлагая производность этого существительного от праслав. **terti*; в БЕР слово толкуется как заимствование н.-гр. *σχοτοῦρα* ‘забота, тревога; головокружение, дурнота’ [Варбот 2023, 227]. Для слов *сѹра*, *сѹра* ж.р. и *сѹор* м.р. ‘ссора, брань, перебранка’ в БЕР принято толкование, возводящее его в конечном счете к и.-е. **s(u)er-* / **s(u)or-* ‘издавать голос’, которое Ж.Ж. Варбот считает семантически уязвимым. Приводя мнения Д. Шкарича и А. Вайяна о родстве слова *сѹора* с праслав. **sъrati*, а также многочисленные слова с тем же корнем в значении ‘ссориться, сердиться, сплетничать’ из разных славянских языков (рус. *рассе́ра*, *пересу́рать*, чеш. *na-sírat se*, словац. *nasrať sa*, *serem sa*), она считает эту версию наиболее убедительной [там же, 229].

Для болг. *сми́не са* ‘высыхать (о плодах); очень ослабеть (о человеке)’ Жанна Жановна поддержала предпочитаемую авторами БЕР одну из трех предложенных версий, а именно — от праслав. **myti*. Две другие возможности — от *ми́на* (< праслав. **minōti*), учитывая *преми́на* ‘(о плодах) перезреть’, и от *мин-* в *ми́нен* ‘маленький’ (к праслав. **minъjъ*) считаются ею вызывающими «некоторые сомнения» в связи с отсутствием фиксаций производных от этих основ с префиксом *с-* [Варбот 2023, 228]. При принятии этимона **myti* БЕР предполагает развитие значения: ‘очищаться мытьем, превращаться в кашу’ → ‘уменьшаться’ → ‘скорчиваться’, но в этом ряду справедливое сомнение у Ж.Ж. Варбот вызывает значение ‘превращаться в кашу’. Чтобы избежать этого значения, она приводит «русский материал, представляющий развитие в генетически тождественном с болгарским словом глаголе очень близкой (частично и тождественной) семантики: ср. русск. *смыть* ‘сделать чистым посредством мытья’ и русск. диал. *смыться* ‘укоротиться, сзиться, уменьшиться от стирки, сесть (о ткани, одежде)’ (киров., арханг.), в суеверных представлениях — ‘заболеть оттого, что белье больного стирали с бельем здорового’³» [Там же].

Представляется, однако, что этот русский материал семантически весьма далек от ‘сушеных плодов’, которые высыхают не от мытья (стирка релевантна только при усадке одежды), а от времени. То есть в данном случае более актуальной кажется семантика, содержащаяся во второй этимологической версии

³ СРНГ 39, 77.

БЕР — от праслав. **minŋti*, на что указывает и болг. *премѣна* ‘перезреть’. Также не подкрепляется русским диалектным материалом второе значение болгарского слова — ‘слабеть (о человеке)’, скорее всего, подразумевающего также и ‘хиреть, сохнуть’ (от болезни или от старости).

В таком случае в двух значениях болг. *смѣне са* можно видеть общую сему ‘сохнуть’: неубранные плоды, висящие на ветках, засыхают⁴, и человек, на которого «наслали» болезнь, со временем слабеет и сохнет. Однако версия, приводимая в СРНГ о передаче болезни через стирку белья больного вместе с бельем здоровых людей — лишь частный случай передачи болезни, причем достаточно редкий (поскольку запрет на такую стирку закреплён традицией). Гораздо более распространенными являются способы намеренной передачи болезней, в том числе неизвестных, от которых человек без видимой причины постепенно слабеет, угасает, высыхает, желтеет и может даже умереть. Среди этих способов — «подклады» (опасный магический предмет, подложенный под порог, на тропинку, где ходит человек), подброшенные на дорогу предметы, на которые была магически перенесена болезнь; вылитая на дорогу «нечистая» вода, например, оставшаяся после обмывания покойника, и др. [Плотникова 2009, 15].

В таком случае для значения ‘очень ослабеть (о человеке)’ у болгарского глагола также более актуальна семантика производных **minŋti*. Во-первых, это семантика перехода, переступания через «подклад» (значения ‘переходить’ для продолжений **minŋti* фиксируются для старославянского и македонского). Во-вторых, это семантика перехода (болезнь покидает одного человека и переходит/переносится на другого). Показательна также семантика некоторых продолжений **minŋti* — ‘скончаться, перестать существовать, умереть’ (с.-х. *минути*, чеш. *topouti*, пол. диал. *minąć* (*się*), др.-рус. *минути*, ст.-укр. *минутися*, бел. *минуцьца*, *мінуцьца*⁵, семантика, обозначающая закономерный результат ослабления человека. Формально, поскольку есть префиксальные образования типа *премина*, логично допустить возможность образований и с другими префиксами, в том числе префиксом *с-* (по крайней мере они есть в рус. диал. *сминовать* ‘избежать, спастись от кого, чего-л.’, *сминоваться* ‘пройти, окончиться, минуть’⁶).

Хотелось бы прокомментировать еще одну этимологию, предложенную в книге. Анализируя славон. *šetrica* ‘посуда для доения молока’, автор сближает это слово с *šätřica* ‘мелко растертое блюдо’ (еда) — на основе «физической сущности процесса доения — выдавливания молока путем трения» [Варбот 2023, 219; подробно семантические переходы рассмотрены на с. 145–146]. Однако выдаивание молока не предполагает трения⁷, при дойке речь идет о последовательном выжимании, выдавливании молока из сосков вымени путем перебора пальцев (т.е. скорее можно допустить семантику ‘жать, давить’, но не ‘тереть’). А вот к сближению с приводимым автором значением с.-х. диал. кайкав. *šatřiti*, *šatrâti* ‘колдовать’, с производным (?) *šatřije* ‘колдовство’ и словен. *šatratī*, *šatřiti*

⁴ Кстати, это может быть сделано умышленно. Так готовят эксклюзивные сладкие сорта вина: оставляют гроздья винограда на лозе, пока они не высохнут или не промерзнут, или подсушивают их на солнце, потом из этих полусухих (заизюмленных) и/или замороженных ягод выдавливают сок и делают вина, называемые в Италии *appassimento* (appassimento), в Словакии — *ľadové* или *slamienkové víno*.

⁵ ЭССЯ, вып. 19, 52–53.

⁶ СРНГ 39, 17.

⁷ Способ доения «щипком», обычно у первотелок — когда пальцами, двигая их сверху вниз, выдавливают молоко из соска — является вынужденным, в связи с очень короткими сосками молодой коровы; его стараются не использовать, потому что он травмирует вымя.

‘колдовать’, пол. диал. *szatrzyc* ‘кое-что знать, уметь’ [Там же, 143, 144] стоит присмотреться. Тем более что, как пишет Жанна Жановна, в этимологической литературе нет определенного решения о происхождении этих слов.

По крайней мере для названия подойника *šetrica* можно предположить семантическую связь с колдовством и магией — на основании экстралингвистических данных. «Отбирание» молока — один из основных видов порчи и нанесения вреда ведьмой (соседская корова начинает доиться мало или доиться с кровью, а ведьмина корова дает молока вдвое больше обычного). Ведьма может магически воздействовать как на саму корову, так и на молочную посуду (ведро для доения) и цедилку (редкую материю или деревянное сито, через которые это молоко процеживают). Способы защиты от «отбирания» молока многочисленны. Возможно, для *šetrica* ближайшими родственными и мотивирующими словами могли бы быть признаны упомянутые выше с.-х. *šatriti*, *šatrāti* ‘колдовать’, а на более ранней стадии — корень, сохранившийся в западнославянских словах в виде ст.-чеш. *šetřiti* ‘смотреть, присматривать, заботиться’, словац. *šatrit’* и валаш. *šetřit’*, ‘смотреть, обращать внимание’ с дальнейшим развитием значения: ‘следить’, ‘избегать, защищаться’⁸, а также пол. диал. *szatrzyc* ‘кое-что знать, уметь’ [Там же, 144]. Вхождение этих глаголов в семантическое поле магии и колдовства обусловлено тем, что в традиционной культуре выслеживание, распознавание, узнавание ведьмы означало и ее обезвреживание, лишение магической силы, нивелировку ее вредоносных действий. Хотя и вообще следить за молочной посудой, ее чистотой и целостностью, полагалось тщательно.

Формально предложенная версия возможна, потому что: как указывала сама Ж.Ж. Варбот, с.-х. *šetrica* и слова, обозначающие колдовство, являются отглагольными производными [Там же, 146]; рассмотрение хорватских и чешско-моравско-словацких диалектов в одном поле возможно как в связи с позднепраславянским уровнем реконструкции этой группы слов, так и в связи с близкими генетическими, историческими и ареальными связями названных выше диалектов и культур их носителей (см. [Куркина 1992; Валенцова 2021]).

Конечно, у нас нет примеров, где названия молочной посуды мотивировались бы магическими действиями, слежением/наблюдением за ней ради оберега и противодействия колдовству. Но и мотивационных моделей, где бы названия подойника были производными от глаголов, обозначающих способ дойки или процесс доения (ср. рус. *дергать*, *тренькать*, *стрекать*, *тешить*, *выжимать* молоко из сосцов⁹), тоже нет. Обычные наименования — это либо названия емкостей — ведро, миска, *бадейка*, *кадушечка*, *жбан*, *ведёрник* — в том числе заимствованные в карпато-славянских диалектах *гелета*, *geleta* (< рум. *galeta* ‘ведро, миска’), либо специальное ведро для доения (рус. *подойник*, *дойник*, *дойное ведро*, *подойница*). Скорее всего, в разбираемом случае речь идет не о репрезентации какого-то типа номинации, а о семантическом гапаксе, возможно, и индивидуальном неологизме.

Наконец, пятый раздел книги посвящен этимологизации русской лексики. Предложены этимологии отдельных слов (*калякать*, *козырь* и *козырек*, *звено*, *кандибобер*), русские этимологии на словацко-чешском фоне (*розный*, *парень*), русские слова на славянском фоне (*багор* и *багрить*). Особое внимание уделено «нерегулярным изменениям и вторичным преобразованиям аналогического происхождения», вызывающим отклонения от закономерного

⁸ Machek 1957, 606.

⁹ Даль 1880, 467; 1882, 346, 439.

развития и затрудняющим этимологизацию лексики, а также семантическому взаимодействию паронимов в истории русской диалектной лексики, играющему существенную роль в сближении и смешении этимологических гнезд [Варбот 2023, 271, 275] — таковы слова из говоров района о. Селигер *выскодь*, *затёк*, *замуглить*, *меновать*, *мина*, *пязень* и из других диалектов (*нижа*, *зайка*, *бращить*, *пожа/нажа*). Случаи подобного рода полезны «для учета их типологии при этимологизации “темных” лексем» [Там же, 279].

Так, учитывая нерегулярное фонетическое изменение *св-* в *с-* (*сивальник* < *свивальник*, *сербеть* < *свербеть*) Ж.Ж. Варбот убедительно объяснила рус. *сиволапый* как восходящее к *свиволапый*, т.е. кривоногий, косолапый, что семантически более логично (значение слова *сиволапый* в говорах ‘грубый, неотесанный человек; неуклюжий, неловкий’), чем предлагавшиеся ранее этимологии, возводящие первую часть слова к *сиво-* (сивый) или *псиво-* (‘как у пса, паршивый’) [Там же, 283–285].

Новая книга Ж.Ж. Варбот представляет собой не только полезное, поучительное, но и интересное, приятное чтение. В ней можно подсмотреть картинки образа мира славянских народов сквозь призму происхождения слов. И очень отраднo, что с книгой сразу после публикации можно было ознакомиться на сайте Института русского языка РАН: <https://ruslang.ru/book/pamyat-slavyan-v-slovakh-etimologicheskie-etyudy>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. С.-Петербург; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. 1880. Т. 1; 1882. Т. 4.
СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2005. Вып. 39.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1992. Вып. 19; 1994. Вып. 21; 1999. Вып. 26.
Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Československá akademie věd, 1957.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валенцова М.М. Чешско-южнославянские этнолингвистические параллели // Исторический формат. 2021. № 4. С. 9–20.
Варбот Ж.Ж. Память славян в словах. Этимологические этюды. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2023. 360 с.
Куркина Л.В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики / Slovenska akademija znanosti in umetnosti, razred za filološke in literarne vede. Dela 38. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1992.
Плотникова А.А. Переступать // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 13–16.
Турилова М.В. Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «безумие» в русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010 (на правах рукописи).

Рукопись поступила в редакцию 12.12.2023

Рукопись принята к печати 25.02.2024

REFERENCES

- Kurkina L.V. *Dialektnaia struktura praslavianskogo iazyka po dannym iuzhnoslavianskoi leksiki*. Slovenska akademija znanosti in umetnosti, razred za filološke in literarne vede. Dela 38, Ljubljana, Slovenska akademija znanosti in umetnosti Publ., 1992. (In Russ.)
Plotnikova A.A. *Perestupat'*. *Slavianskie drevnosti. Etimologicheskii slovar'*, pod obshchei red. N.I. Tolstogo, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2009, t. 4, pp. 13–16. (In Russ.)
Turilova M.V. *Geneticheskaia i motivatsionnaia kharakteristika leksiko-semanticheskogo polia «bezumije» v russkom iazyke*. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk, Moscow, 2010 (na pravakh rukopisi). (In Russ.)

Valentsova M.M. Cheshsko-iuzhnoslavianskie etnolingvистические параллели. *Istoricheskii format*, 2021, no. 4, pp. 9–20. (In Russ.)

Varbot Zh.Zh. *Pamiat' slavian v slovakh. Etimologičeskije etiuđy*. Moscow, Institut russkogo iazyka im. V.V. ViMnogradova RAN Publ., 2023. 360 s. (In Russ.)

Received on 12.12.2023

Accepted on 25.02.2024

Информация об авторе:

Валенцова Марина Михайловна

кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник

Институт славяноведения Российской
академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6541-4269

E-mail: mvalent@mail.ru

Information about the author:

Marina M. Valentsova

Information about the author:

PhD (Philology) Senior Researcher

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of
Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6541-4269

E-mail: mvalent@mail.ru